

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ ГАРПУННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ

Вот уже 20 лет, как продолжают наши раскопки на берегу Чукотского полуострова — этой крайней северо-восточной оконечности Советской земли. Не каждый год обстоятельства позволяют вести работы, но если только есть возможность, с наступлением поздней полярной весны, а здесь она освобождает землю от снежного покрова лишь в июне, мы снова в поле, т. е. в тундре.

Взгляду приезжего непривычного человека неприветливой кажется эта земля. Ветры, туманы, снегопады и заморозки случаются порой даже в разгар короткого лета. Участки низменных заболоченных равнин, испещренных ручьями и озерами, поросших мохом, осокой, стелющейся ивой, чередуются со скалистыми, почти что лунного облика горными хребтами, каменистыми осыпями в ржавых пятнах лишайников. Нигде нет ни деревьев, только вдоль речек кое-где кусты ивняка. В море берег чаще всего обрывается отвесным скальным уступом, а там, где берег пологий, он окаймлен широкой серой лентой галечных кос.

И все же нет, пожалуй, ни одного человека, который, раз побывав в нашем отряде, не рвался бы снова на эту странную землю, влюбившись в ее редкую красоту, розово-желтое цветение летней тундры, косые отблески полуночного солнца над горизонтом и бесконечный простор тундры, моря и ежечасно меняющегося неба.

Но эти берега и особенно омывающие их моря не только по-своему красивы, они еще по-своему богаты. Мы говорим не о богатствах недр, не о пушнине, не о промысловой океанской рыбе, которые приобрели значение в основном лишь после индустриального освоения Арктики современной цивилизацией, а о тех богатствах, которые могли освоить уже люди каменного века. Многотысячные стада моржей приходят по разводьям среди весенних льдов и залегают в августе на лежбища под защитой прибрежных скал. Миллионы морских птиц гнездятся на птичьих базарах. С горбатой спины мыса Верблюжьего на сравнительно небольшом пространстве, случалось, мы за раз могли насчитать фонтаны более 30 китов. Словом, достойной дичи — источника мяса, жира, шкур — всего, о чем постоянно мечтал первобытный человек, здесь вдвойне. Надо только уметь взять это богатство.

Умение это пришло к людям не сразу. Когда более 25 тысяч лет назад по этим местам из Сибири в Америку двигались ее первые открыватели, предки нынешних индейских племен, их еще не интересовали богатства моря. Кстати сказать, в то время оно занимало гораздо меньшую площадь, чем теперь, и весь нынешний Берингов пролив и прилегающее обширное мелководье были сушей, травянистой лесотундрой, где паслись большие стада не только оленей, но и мускусных быков, бизонов и даже великанов мамонтов. Но уже 8 тыс. лет назад, как показали раскопки на алеутском о. Анангула, на берегах постепенно наступавшего вслед за таянием ледников Берингова моря, жили предки нынешних алеутов. Их хозяйство уже базировалось в основном на морских пище-

ных ресурсах. Культура ближайших родственников алеутов, многочисленных эскимосских племен, заселивших впоследствии громадные пространства арктических побережий от Чукотки до Гренландии, формировалась, очевидно, в районе Берингова пролива. К сожалению, основная часть их наиболее древних стоянок скорее всего скрыта под волнами моря, которое продолжает здесь наступать на сушу и по сей день. Древнейшие памятники культуры морских зверобоев-эскимосов, которые пока удалось найти в этом районе, имеют возраст немногим более двух тысяч лет. Это уже вполне сформировавшаяся культура охотников на морского зверя. Но то, что мы располагаем памятниками, по которым можно проследить ее дальнейшее двухтысячелетнее развитие вплоть до современности, имеет большую ценность для науки. Когда летишь вдоль Чукотского побережья на самолете или вертолете, местами видишь, как на блекло-оливковом фоне прибрежной тундры разбросаны группы ярко-зеленых круглых яттен. Они указывают на остатки древних землянок. Может быть, легенды и преувеличивают, утверждая, что в таких землянках помещалось по несколько сот человек, но во всяком случае это были большие сооружения, в которых жило одновременно несколько семей. Построенные из огромных китовых костей, дерна, моржовых шкур и дерева-плавника, окруженные накопившимися за многие годы остатками хозяйственной деятельности, эти землянки, разрушаясь, образовывали слегка приподнятые над тундрой пологие холмы, богатые органическим перегноем. На них буйно разрослись травы, особенно аконит, клубни которого приносили в поселок, чтобы готовить яд для стрел; его-то темно-зеленая листва и делает древние землянки такими заметными сверху.

Раскопки землянок — дело очень сложное и трудоемкое, так как уже на глубине менее метра они обычно скованы льдом. Но здесь наступающее на берег море — злейший враг археолога, уже поглотивший много памятников и грозящий поглотить через несколько лет ряд других, — иногда выступает непрощеным помощником. Некоторые землянки съедены морем ровно наполовину. Над прибрежной галькой высятся почти строго вертикальные трех-четырёх метровой высоты поперечные разрезы, по которым можно отчасти восстановить структуру древнего сооружения, а в высыпающемся оттаявшем рыхлом грунте можно найти множество предметов, принадлежавших обитателям этих жилищ.

Особую ценность для исследования культур древних эскимосов представляют могильники. Здесь мы находим черепа и скелеты, позволяющие восстановить расовый тип древних жителей, установить среднюю продолжительность жизни, физическое развитие, определить болезни, которыми они страдали.

Предметы, найденные здесь, — это не случайные обломки выброшенных за ненадобностью вещей, как в землянках, а тщательно подобранные комплексы орудий труда и бытовой утвари, как правило, в хорошей сохранности.

Найти могильник удастся при тщательном обследовании местности по выступающим кое-где над дерном китовым костям и каменным плитам могильных кладок и по некоторым другим предметам.

Нами раскопаны могильники близ пос. Уэлен и Эквенский могильник, лежащий в 40 км южнее, недалеко от мыса Верблюжьего (рис. 1). Несколько могильников севернее мыса Нунямо раскопано Н. Н. Диконим. На Аляскинском берегу Х. Ларсен и Ф. Рейни ранее раскопали Илутакский могильник. Материалы из всех этих могильников представляют обильные данные для характеристики разных локальных вариантов хронологических этапов древнеэскимосской культуры на протяжении многих веков¹.

¹ H. Larsen, F. Rainey. Ipiutak and Arctic whale hunting culture. N. Y., 1948; С. А. Арutyонов, Д. А. Сергеев. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский мо-

Рис. 1. Момент раскопок Эквенского могильника

Всего эскимосов насчитывается около 100 000. На Чукотке их — всего 1300 чел. Это совсем небольшой народ, однако ему не только посвящена обширная литература, но даже выделилась отдельная региональная отрасль исторической науки — эскимология как история эскимосской культуры.

Обычно такие научные ветви, подобные китаеведению, арабистике, славяноведению и т. д., появляются при изучении крупнейших народов или групп, создавших развитые цивилизации, и базируются главным образом на изучении письменных памятников. У эскимосов до новейшего времени письменности не было, и источниковедческой базой эскимологии служат исключительно этнографические и археологические материалы. Но почему же такой маленький народ привлек к себе столь пристальное внимание историков разных стран? Все народы земли, во всяком случае сформировавшиеся до эпохи Великих географических открытий, делятся на две большие группы: Народы Старого Света (Европы, Азии, Африки) и народы Нового Света (Америки). Между ними практически не было связей на протяжении десятков тысячелетий. Героические плавания Тура Хейердала и других викингов современности, если и доказали что-либо, то только принципиальную возможность таких связей, но не реальное их существование.

Эскимосы — единственный народ, который жил в Старом и Новом Свете до прихода европейцев, имея соседями в Азии чукчей, а в Америке — индейцев атапасков и алгонкинов. Уже это определило своеобразие их исторического развития, их роли последней волны в долгом процессе проникновения людей из Азии в Америку. Кроме того, эскимосы — это самый северный народ мира. Условия существования эскимосов одни из самых суровых на земле. Веками приспособляясь к ним, эскимосы создали целый ряд уникальных по своей гениальной простоте форм материальной культуры, многие из которых, как, например, байдарка-каяк, куртка с капюшоном — анорак, вошли в быт народов всего мира.

гильник). М., 1969; Н. Н. Диков. Чинийский могильник (к истории морских зверобоев Берингова пролива). Новосибирск, 1974; С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М., 1975.

Без созданных эскимосами нарт с собачьей упряжкой, снежных хижин иглу и других приспособлений было бы невозможным изучение и освоение Арктики в современную эпоху. Даже в наши дни они оказываются порой надежнее, чем самая совершенная и новейшая техника. Создание новых технических средств и приемов, призванных облегчить человеку жизнь в Арктике, идет в значительной мере путем развития идей, заложенных в культуре коренных жителей Арктики.

Как мы уже знаем, материальной или энергетической основой развития эскимосской культуры была охота на морских млекопитающих. Она давала пищу людям, корм охотничьим и ездовым собакам, жир для освещения и отопления жилищ, шкуры, кость, моржовый клык, китовый ус и другие материалы для сооружения жилищ, лодок, изготовления одежды и всевозможных орудий труда и предметов обихода.

На археологических материалах можно проследить, как эта охота претерпела длительную эволюцию.

Первоначально преобладала прибрежная охота на мелких ластоногих, а там, где имелись моржовые лежбища, — поколка моржей на них. В комплексном хозяйстве немалую роль играла и рыбная ловля, а еще большую — охота на наземных млекопитающих: диких оленей, лосей, снежных баранов, медведей, как бурых, так и белых, добыча различных видов птиц, сбор их яиц на птичьих базарах, собирательство растений в тундре. Многие из этих промыслов, как подсобные, но все же необходимые, сохранили известное значение и по сей день. Однако с течением времени морская охота в районе Берингова пролива играла все более важную роль и развивалась по пути специализации, сначала моржового промысла на льдах и на воде, а затем и китобойного промысла. Такое развитие было возможно лишь благодаря непрерывной эволюции орудий морского промысла, достигших у эскимосов высокой степени совершенства.

Основным орудием охоты во все времена был гарпун с поворотным наконечником. Он существовал на самых ранних известных нам археологических стадиях культуры и даже с введением в конце XIX в. огнестрельного оружия не потерял своего значения (рис. 2).

Любой гарпун отличается от копья, дротика, остроги и других видов охотничьего оружия тем, что после удара наконечник, вонзившийся в тело животного, вследствие рывка его отделяется от древка и остается в теле. За добычей тянется привязанный к наконечнику лень, древко же

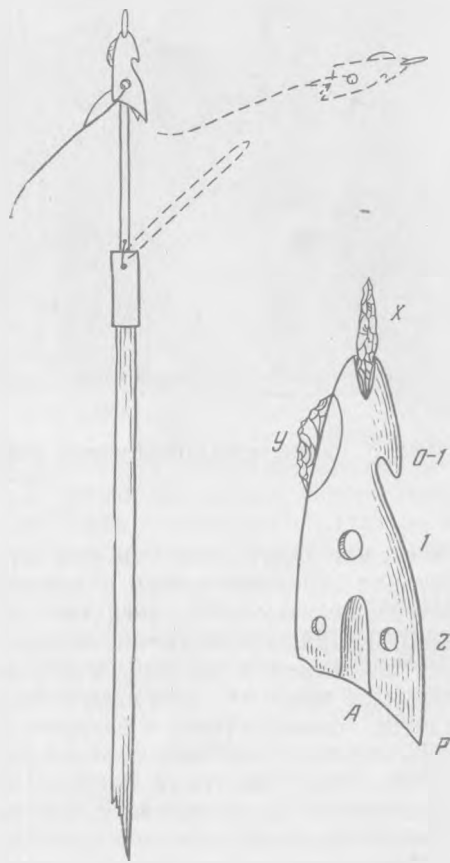

Рис. 2. Схема гарпуна с отделяющимся поворотным наконечником и наконечник (около $1\frac{1}{2}$ натуральной величины) типа 1A2XyP 0—1: 1 — отверстие для лinya, А — открытое гнездо для колка, 2 — прорези для привязывающего пояса, X — концевое копыце, I — боковой вкладыш, P — асимметричная шпора, 0—1 — бородка

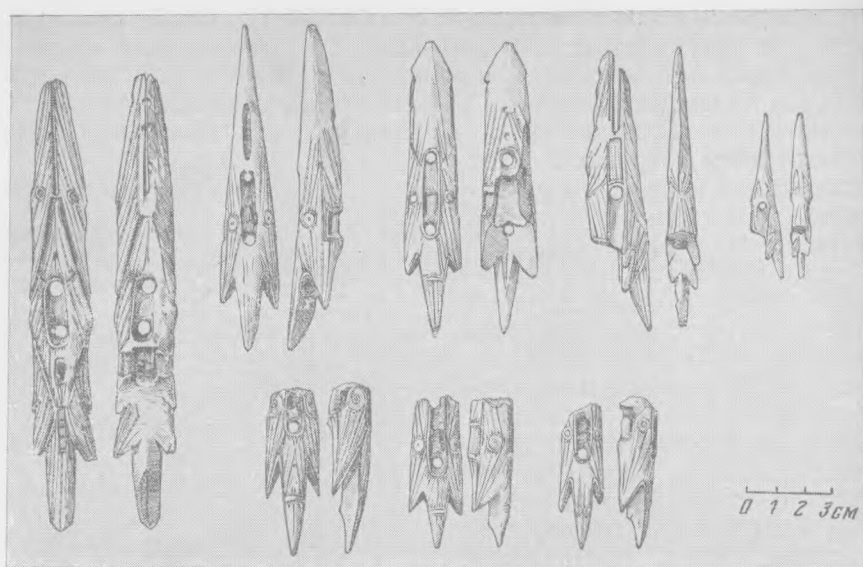

Рис. 3. Разные типы наконечников поворотных гарпунов (нижний ряд — фрагменты)

остается в руках охотника или на поверхности воды и может быть повторно оснащено новым наконечником. Поворотный наконечник отличается еще и тем, что при рывке животного разворачивается в его теле на 90°. Из раны выходит на поверхность только ременной линь длиной в десятки метров, к другому концу которого привязан поплавок. Вырвать гарпун из раны или оборвать линь практически невозможно, извлечь их удастся, только обрезав мясо кругом.

Поскольку почти все морские звери, будучи ранены, надолго ныряют, а убитые сразу же тонут, понятно, что только гарпун с поплавком, всегда остающимся на поверхности, дал возможность охотникам в любом случае преследовать раненое животное и выгнать убитое.

Поворотные наконечники гарпунов известны во множестве вариантов и модификаций и служат для археологов основным датировочным материалом и определителем различных древнеэскимосских культур. Но всем им присущи общие конструктивные элементы, хотя они могут быть оформлены разными способами: это лезвия концевых копьев и боковых вкладышей, гнезда для колка, которым наконечник соединяется с древком и проталкивается в тело добычи в момент удара, шпоры на конце, противоположном острию, служащие для разворота и прочного закрепления гарпуна в теле животного, наконеч, одно или два отверстия для линя, которым наконечник соединяется с поплавком. Поплавок из надутой воздухом тюленьей шкуры, оставаясь на поверхности воды, показывает охотнику, куда движется нырнувший подраненный зверь, а когда зверь добит, не позволяет ему утонуть. Лишь мелкие ластоногие — нерпы, когда они хорошо упитаны, остаются и убитыми на плаву, и поэтому охота на них осенью возможна без поплавка.

Только в Эквенском и Уэленском могильниках нами было найдено около 700 наконечников гарпунов, сделанных преимущественно из моржового клыка, реже — из рога, общее же число наконечников, найденных на Чукотке, измеряется многими тысячами. Каждый наконечник имеет при этом свои какие-то неповторимые, индивидуальные черты (рис. 3).

Необходимо было разобраться во всем этом бесконечном разнообразии. Американские исследователи — Коллинз, Рейни и др., каждый для

своего памятника, выделили типы, перенумеровав их, но эти классификации принесли мало пользы, оставшись несопоставимыми, так как в каждом памятнике имеются типы, отсутствующие в другом. Надо было идти по другому пути, создать такую классификацию, в которую, как элементы в таблицу Менделеева, смогли бы вписаться не только все уже известные наконечники, но и все теоретически возможные.

Наш массив наконечников был не настолько велик, чтобы прибегать к его машинной обработке, но мы рассортировали его вручную точно так же, как машина сделала бы это с перфокартами. Любой наконечник имеет ряд совершенно четких и объективных признаков, которые можно зашифровать, расположив их в определенном порядке и снабдив буквенными или цифровыми обозначениями (см. рис. 2). Скажем, начнем с числа просверленных отверстий для привязывания линия — 1 или 2. Затем посмотрим, какой формы гнездо для насадки на колок гарпуна — открытое (А) или закрытое (В). Посчитаем число отверстий для привязывания к колку — 1 или 2. Если есть концевое копыце, то важно, расположено ли оно в одной плоскости с отверстием для линия (тогда обозначим его Х) или же перпендикулярной плоскости (У). Рассмотрим базальную шпору: она может быть симметричной (М), иметь несколько отростков (2, 3 или 4) или будет асимметричной (Р). Соответственно наконечник как бы сам «скажет» нам свою формулу: например, 2А2ХР или 1В — УМЗ. Наконечники с одинаковыми формулами, понятно, принадлежат к одному типу, наконечники, у которых сходна только какая-то часть формулы, — к группе родственных типов. Их можно теперь сортировать по одному какому-либо признаку или по любому сочетанию их. При такой сортировке как бы сами собой выделились некоторые закономерности распределения разных формул, которые, очевидно, не случайны. Помимо более или менее тривиальных результатов, как, например, подтверждение известной в общем-то и ранее преобладающей роли определенных модификаций в тех или иных культурах, удалось выстроить более или менее правдоподобные эволюционные ряды типов наконечников. В азиатской зоне древнеэскимосских культур (сюда, помимо Чукотки, включается и о. Св. Лаврентия) выделены следующие культуры: древнеберингоморье, оквик, бирнир, пунук. В первой из них, наиболее древней (первые века нашей эры) практически имеются все типы наконечников (кроме однобородчатых бирнирских), так что движение во времени отмечается не столько появлением новых типов, сколько все большим отмиранием старых. Относительную последовательность появления этих типов, таким образом, приходится восстанавливать по строению эволюционных рядов, исходя из правила, что наконечники, различающиеся на один признак, ближе друг к другу, чем различающиеся на два.

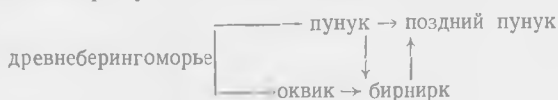
Уже одно это построение позволило сделать интересный вывод: происхождение поворотного гарпуна восходит не к одному, а к двум корням. Один корень — это вкладышевые наконечники копы или дротики, а другой — поворотные, бородчатые и зубчатые гарпуны, генетически связанные с острогами (рис. 4).

Если в погребении встречаются наконечники, обычно их бывает не один, а несколько. Это дает возможность проверить такую вещь, как совместимость и несовместимость между собой тех или иных типов и их групп. Выделив типы, наиболее характерные для основных культур — древнеберингоморья, оквика, пунука и бирнирка, мы видим, что вторая и третья группы форм совмещаются и с первой, и с последней. Особенно часто совмещаются древнеберингоморье и оквик, которые, видимо, должны считаться даже не отдельными культурами, а вариантами одной берингоморско-оквикской культуры, в значительной степени перекрещивавшимися и сосуществующими, зато древнеберингоморье и бирнир не встретились вместе ни в одном из более чем двухсот погребений. Все это вместе со стратиграфией перекрывающихся погребений позволило су-

существенно пересмотреть старую схему взаимоотношения культур. Д этих исследований она строилась прямолинейно, примерно так:

оквик → древнеберингоморье → бирнирк → пунук.

Теперь же отношения рисуются несколько иначе:

Разные сосуществующие типы, по определению наших помощников в информаторов, современных эскимосов, предназначались для охоты на разных животных. В разных памятниках их соотношение неодинаково. Несомненно, решающую роль почти на всех этапах играл промысел

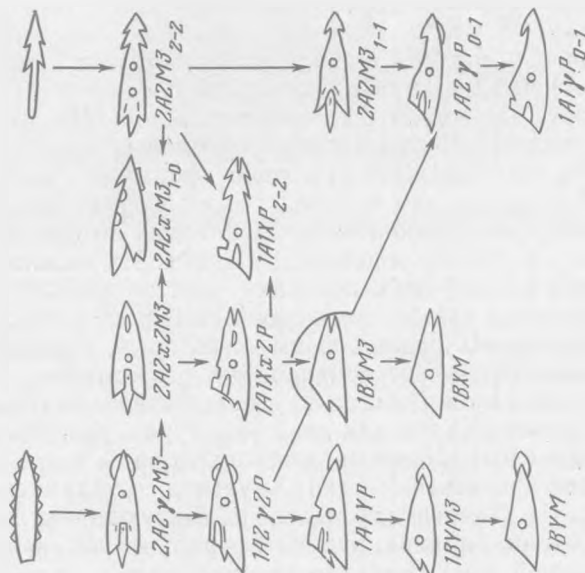

Рис. 4. Эволюционный ряд от вкладышевых копий и бородчатых острог к позднейшим типам гарпунных наконечников (ряд промежуточных форм опущен)

моржа. Единичные наконечники, сделанные специально для охоты на кита, встречаются уже в древнеберингоморье, с течением времени число их растет, и в позднем пунуке они становятся даже преобладающими. Промысел белухи, лахтака, нерпы параллельно велся всегда, но стоял на втором-третьем месте у всех, кроме бирниркцев, для которых нерпа была основным промысловым животным. Любопытно, что наконечники, наиболее специализированные для охоты на нерпу, во множестве найдены в Эквенском могильнике, но почти отсутствуют в Уэленском. В чем дело? Неужели древние уэленцы не охотились на нерпу? Этого быть не могло: кости нерпы там встречаются нередко, да и вообще эскимосы без нерпы обойтись не могли, шкура ее необходима для многих видов обуви и одежды. Очевидно, ответ вот в чем: в Уэлене есть обширная лагуна, куда заходит нерпа, и ловить ее сетями там было проще и эффективнее, чем гарпуном, а в Эквене такой лагуны нет, и там поневоле нерпу приходилось добывать в море при помощи гарпуна. В наборе наконечников отразились и другие экологические различия между этими, казалось бы, очень близко лежащими поселками, но к ним мы вернемся несколько позже. Однако никакими реальными причинами нельзя было объяснить

того, что в погребениях Эквенского могильника наконечники одной весьма распространенной группы — 1В — встречаются и с тройной шпорой (1В-МЗ), и с одинарной (1В-М), но никогда в одном погребении тройная и одинарная шпора не сосуществуют, хотя в остальном наконечники вполне схожи. Более того, на карте могильника участки распространения тройных и одинарных шпор легли обособленными, неперекрывающимися пятнами.

Это-то и помогло найти решение загадки — из собранных нами этнографических данных было известно, что до недавнего времени в эскимосских поселках имелось деление на группы родственников (возможно, пережитки отцовского рода), каждая из которых имела свой, особый участок кладбища. Значит, и в древнем Эквене имелись по меньшей мере уже две категории таких участков, что указывает на вероятность дуально-фратриальной организации общества, а это очень важный вывод для истории социальной организации народа. Везде, где есть дуально-фратриальное деление, между фратриями имеются ритуальные и символические различия. В Эквене одним из них, очевидно, было одинарное или тройное оформление шпору определенных типов гарпунов. Непосредственно из этнографических опросов этих данных получить было бы нельзя: в Узлене эскимосское население давно сменилось чукотским, с другими родовыми делениями, а поселок Эквен вообще был заброшен жителями уже несколько веков тому назад.

Все известные нам наконечники уложились примерно в сорок формул, которые в свою очередь легко разбили на несколько групп, объединенных общностью ведущих признаков. Некоторые формулы обозначают наконечники, представленные чуть ли не в каждом втором погребении, они насчитывают многие десятки, если не сотни (с учетом других памятников), экземпляров. Это, так сказать, наиболее ходовые, массовые типы наконечников. Другие встречаются несколько реже, хотя все-таки представлены обычно одним-двумя десятками. Но все это вместе взятое — лишь половина общего числа формул. Другая половина — это 11 формул, где на всю известную нам «вселенную гарпунов» каждой формуле соответствует один-единственный наконечник, и еще 10 формул, где приходится по два наконечника на каждую. Большинство таких наконечников и по внешнему виду, оформлению, орнаменту выглядит необычно, и формулы их «нетипичны», плохо укладываются в группы, совмещают в себе по несколько обычно несовмещающихся признаков. Среди массового орудийного материала, таким образом, нам несколько раз попались предметы, которые за всю историю эскимосской материальной культуры были, по-видимому, изготовлены в одном экземпляре. А что в истории техники вообще (мы здесь имеем дело именно с историей техники, только техники эпохи неолита) изготовлялось обычно в единственном экземпляре? Конечно же, экспериментальные модели. Здесь перед нами как бы проглядывает активный технический поиск, который шел и в древности. Наряду с мастерами, старательно копировавшими старые образцы, были люди, активно искавшие что-то новое (не случайно подчас в одном погребении встречаются сразу два-три «уникальных» наконечника). Когда поиск был удачен, найденная форма становилась массовой — нам не дано знать, есть ли среди наших массовых находок экземпляр № 1, хотя он должен был быть когда-то. Но, как и всегда в истории техники, неудачных проб было больше, чем удач, и часто первый экземпляр оставался и последним. Эволюция гарпунной технологии, как, наверное, любая эволюция и в культуре, и в природе, шла методом проб и ошибок. Неудачные новшества практика сразу же отбрасывала, и лишь немногие наиболее удачные варианты входили в общее употребление и давали многочисленное «потомство».

Помимо того что существовали разные типы гарпунов, предназначенных для охоты на разных животных (различия эти, по существу, стер-

лись с появлением огнестрельного оружия, когда гарпунный наконечник стал нужен только для прикрепления к животному поплавка, но уже не для нанесения ран добыче), есть разные варианты в рамках даже более или менее однотипных серий наконечников, объединяемых общей целью и общими конструктивными принципами. Среди наконечников, оснащенных каменными концевыми копьцами или боковыми режущими вкладышами, почти в каждой серии есть по два варианта, различающиеся по признаку X/Y , т. е. по тому, в какой плоскости — перпендикулярной или параллельной, к плоскости отверстия линия — располагались каменные лезвия. Обе модификации имеют свои достоинства и свои недостатки. Вариант X более надежен, так сказать, дает меньше «осечек», входит глубже в тело животного, но требует при ударе довольно значительного усилия. Вариант Y имеет некоторые неизбежные конструктивные дефекты, могущие привести к «осечке», т. е. к преждевременному соскакиванию с колка. Зато такой наконечник, более широкий и плоский, даже при меньшей силе удара и неглубоком проникновении в тело животного обеспечивает прочное закрепление и, что немаловажно, широкую кровотокающую рану.

В общем, можно сказать, что при так называемой «зимней» охоте, в узких разводьях среди тяжелых льдов, на близком расстоянии от зверя, предпочтение еще недавно отдавалось варианту X , а при «летней» охоте, на относительно чистой воде, с бросками гарпуна на более дальнюю дистанцию, выгоднее был вариант Y . Соответственно и головки древков гарпунов для первого случая предпочтительны — тяжелые, массивные и крепящиеся к древку по способу «ласточкин хвост», а для второго случая нужны головки легкие, крепящиеся по способу «конус».

В уэленском и эквенском комплексах встречаются за редкими исключениями одни и те же модификации гарпунов. Качественного различия в этом плане между ними нет, но есть различие количественное. В Уэлене в любой серии вариантов X вдвое-втрое больше, чем вариантов Y , а в Эквене, наоборот, столь же явно преобладают варианты Y . Те же тенденции отмечаются еще ярче при сопоставлении соотношения типов головок древка. Это соответствует тому, что поселки Уэлен и Эквен, несмотря на свою близость, различаются по микроклимату: Уэлен находится на северном берегу Чукотского полуострова, а Эквен — на южном. Поэтому ледовая обстановка в Уэлене обычно бывает значительно тяжелее, а в Эквене период, когда у берегов остается свободная от льда вода, гораздо дольше.

Все компоненты культуры человека, и среди них хозяйственная деятельность в первую очередь, в той или иной форме выполняют функцию приспособления к среде. Иногда изменение среды может вызвать изменение самих форм культуры, в частности орудий труда, но есть и другой путь: не меняя формы самих орудий, изменить соотношение между ними, когда на ведущее место выдвигается то один, то другой тип, но остальные не исчезают полностью, а остаются, так сказать, в запасе, на вспомогательных ролях. Среда может измениться в другую сторону (скажем, похолодает климат) — тогда варианты поменяются ролями, те формы, которые были «в запасе», выйдут в лидеры и наоборот. Пример такого «сбалансированного полиморфизма» и дают нам гарпунные наконечники Уэлена и Эквена.

Наш очерк истории древнеэскимосского гарпунного наконечника, орудия, благодаря которому в самых суровых арктических условиях человек мог добывать средства не только для более или менее сытого существования, но и для создания по-своему высокой, сложной и развитой культуры, был бы неполон, если бы мы не коснулись орнаментальной его стороны — роли того тончайшего, порой без лупы трудноразличимого орнамента, который, казалось бы, без всяческого смысла покрывал такой сугубо утилитарный предмет, как гарпунный наконечник.

Эстетическое отношение к своему охотничьему снаряжению, стремление украсить его не уникально для эскимосов, скорее оно является общим для всех охотничьих обществ, да и для охотников нового времени (вспомним гравировку на наших лучших ружьях). Наконечник гарпуна был оружием многократного использования и украшался так же, как и древко и головка древка. Несомненно, что часть изображений, выполненных средствами орнаментальных композиций, носила ритуальный, магический характер, скажем, изображения белого медведя должны были придать гарпуну ту же силу при охоте, какой наделен этот хищник. Но, кроме этого, орнамент играл и собственно технологическую, точнее, мнемоническую роль, будучи неразрывно связан с формой предмета. Не случайно, что на «необычных», имеющихся в единственном экземпляре наконечниках орнамента либо нет, либо его композиция несбалансирована. На массовых, типовых наконечниках, наоборот, встречается весьма единообразный, повторяющийся и превосходно скомпонованный орнамент. При отсутствии письменности орнамент, удерживаемый не только в зрительной, но и в двигательной памяти резчика, служил, очевидно, чем-то вроде воображаемого чертежа, выученной наизусть технологической документации. Она позволяла без отклонений воспроизводить снова и снова те обводы и пропорции орудия, которые были отработаны веками и оказались наиболее удачными. Отклонись от них резчик, и диспропорция, несоответствие компоновки орнамента форме предмета сразу показали бы ему его ошибку.

Многое уже рассказали нам гарпунные наконечники — о том, где, в какое время, на каких животных больше всего охотились древние эскимосы, как постепенно совершенствовали они свое охотничье хозяйство, какими путями приспосабливались к меняющимся условиям среды, какие формы социальной организации они имели, какими технологическими средствами и методами пользовались. Можно не сомневаться, что в них таится еще немало неразгаданной нами информации — хотя бы в орнаменте, где мы знаем смысл лишь немногих композиций, а более углубленный его анализ наверняка поможет раскрыть еще какой-то новый, непонятный пока нам смысл. Но уже и то, что удалось понять из их безмолвного рассказа, имеет определенное значение не только для познания истории конкретного Берингоморского региона, но и для познания некоторых общих закономерностей развития и функционирования первобытной культуры.